

И. КАНТ И ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В ЛИТВЕ (КОНЕЦ XVIII В. — НАЧАЛО XIX В.)

Ни одному зарубежному мыслителю не уделялось в Литве так много внимания, как Иммануилу Канту: к его юбилею в 1974 г. о нем лишь на литовском языке появилась 261 публикация¹, кроме того, в Литве о нем много написано на польском, немецком, русском языках. Чем объяснить такое внимание к И. Канту?

По-видимому, его можно объяснить следующими причинами: личными контактами Канта с деятелями литовской культуры, потребностью в философских идеях и уровне философской культуры в Литве.

В данной статье дается лишь краткий обзор распространения кантианства в Литве в конце XVIII — начале XIX века. Сама тема требует дальнейшей разработки. Философия Канта в Литву проникала двумя путями: через Вильнюсский университет (Г. Форстер, И. Абихт, И. Глуховский, А. Даугирдас) и непосредственно из Кенигсберга (К. Милкус, Л. Реза, А. Куявскис).

В конце XVIII в. в Вильнюсском университете распространилась философия Просвещения. Она полностью вытеснила схоластику. В особенности здесь укрепились позиции сенсуализма. Внимание литовских философов привлекала так называемая «шотландская школа». Главным представителем этого направления в Вильнюсском университете был Г. Форстер (1754—1794). Сторонники философии Просвещения отнеслись критически к философии Канта. Г. Форстер вступил в полемику непосредственно с самим Кантом на страницах журнала «*Teutscher Merkur*», который издавал известный немецкий просветитель Х. Виланд. В этом журнале сотрудничал и Кант.

Кант выдвинул новую гипотезу о происхождении человеческих рас. В статьях «О различных человеческих расах» (1775) и «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786) Кант утверждал, что человеческие расы развивались естественным путем, но он допускал их возникновение из одного корня. Согласно мнению философа, одним из основных факторов, определяющих цвет человеческой кожи, являются наследственные задатки и действие на них климатических условий. Кант ссылался на обильный антропологический материал, своеобразно его интерпретировал.

Г. Форстер был не согласен с интерпретацией данного материала. Вильнюсский профессор уже тогда славился как знаменитый естествоиспытатель. В 1772—1775 гг. ученый принял участие в кругосветном путешествии экспедиции капитана Дж. Кука и в течение трех лет наблюдал за жизнью народов,

стоящих на низшей ступени цивилизации. Он собрал много интересного материала для естествознания и классифицировал его в Вильнюсе.

Г. Форстер написал статью «Еще кое-что о человеческих расах. Господину доктору Бистеру» и опубликовал ее в «Teutscher Merkur» (1786, № 10), в которой критически осмысливает выдвинутую Кантом антропологическую концепцию. Статья примечательна и тем, что ее автор отмечает распространение идей Просвещения в Литве. Начинается статья словами: «Мы вправе, дорогой Бистер, причислить к победам Просвещения то, что Ваш превосходный журнал проникает вглубь этих сарматских лесов, и его читают на том месте, где еще в 1321 г. Гедимин охотился на зубров и где только четырьмя годами тому назад угас вечный огонь, посвященный громовержцу Перкунасу»².

Г. Форстер, полемизируя с Кантом с позиций просветительского «здорового смысла», ссылался на свои наблюдения во время кругосветного путешествия. Он доказывал, что Кант объясняет происхождение человеческих рас односторонне. Ученый предполагал, что невозможно объяснить объективную действительность с помощью заранее сконструированной философской концепции, и считал, что автор подобной концепции неминуемо впадет в противоречие. «Станным и непонятным должно остаться для многих, — пишет Г. Форстер, — что г. Кант в угоду своей теории вовлекается в большие затруднения: в одном случае он допускает, более того, даже утверждает как необходимое то, что в другом совершенно аналогичном случае он считает совсем невозможным»³.

Г. Форстер не согласен с точкой зрения Канта на происхождение животного мира. Вильнюсский профессор писал: «Возникновение всех видов животных в одном единственном месте было невозможно»⁴, ибо: «если бы было дозволено заговорить о вещах непостижимых, то самым непостижимым для меня было бы представление о бесчисленном множестве живых существ, возникающих поодиночке или парами»⁵. Следовательно, Г. Форстер критиковал Канта с иных позиций, чем это делали теологи.

Кант счел целесообразным ответить Г. Форстеру. Он в том же «Teutscher Merkur» (1788, № 1, 2) публикует статью «О применении телеологических принципов в философии», в которой поясняет свою позицию по затронутым Г. Форстером проблемам.

Кенигсбергский философ признает компетентность Г. Форстера и пытается устранить возникшие недоразумения. Он отмечает: «Мы оба согласны в том, что все в естествознании должно быть объяснено естественным образом, так как в противном случае это не относилось бы к данной науке. Я столь тщательно следовал этому основоположению, что один остроумный человек <...> даже называет меня — <...> на-

туралистом, прибавляя, однако на свой лад, так как я не считаю полезным говорить теологическим языком в трактатах, касающихся лишь чисто естественных знаний (где вполне уместно употреблять телеологические выражения), в том, чтобы тщательно обозначить для каждого способа познания его границы». (5, 90—91).

Кант доказывает, что для того, чтобы познать, необходимо установить границы, в пределах которых происходит познавательный процесс, и упрекает Г. Форстера за то, что он не придерживается такого правила. Кант думает, что возражения Г. Форстера вызваны единственно лишь неправильно понимаемым принципом, из которого он исходит. «Правда, этот знаменитый муж, — пишет Кант о Г. Форстере, — сразу же считает сомнительным заранее устанавливать *принцип*, которым естествоиспытатель должен был руководствоваться уже в *поисках* и наблюдениях, и в особенности такой принцип, который направлял бы наблюдения на то, чтобы поощрять историю *природы* в отличие от чистого *описания природы*, так же как он считает несостоятельным само это различение» (5, 69). Указанная полемика привлекла внимание и некоторых других ученых Вильнюсского университета к философии Канта. Среди ученых университета выявились приверженцы и противники философии И. Канта. Особенно обострилась полемика между этими группировками после приглашения на кафедру философии в 1804 г. И. Абихта, слывшего ярым сторонником Канта и К. Рейнгольда. И. Абиخت занимал кафедру вплоть до своей смерти в 1816 г. Он писал, что начиная с 1785 г. изучение трудов Канта стало основным его занятием⁶.

В Вильнюсском университете Абиخت читал в духе Канта курсы общей философии (метафизики), логики, моральной философии и психологии. Например, в программе на 1810/11 учебный год И. Абиخت указал, что будет излагать «критику разума — в ней пойдет речь о границах разума, которыми и определен человеческий разум, когда он познает окружающий мир»⁷. И. Абиخت подробно знакомил слушателей с теми проблемами, которые Кант поставил в «Критике чистого разума». В своих трудах И. Абиخت развивал главным образом кантовскую социальную концепцию. Исходя из учения Канта и К. Рейнгольда, он критиковал сословные привилегии, отстаивал равенство между всеми гражданами.

Оппонентом И. Абихта был Ян Снядецкий, который буквально отрицал философию Канта, называя ее худшей аристотелевской метафизикой XV века, возрожденной в XIX веке⁸. Я. Снядецкий всячески пытался воспрепятствовать кантианству⁹. Особенно он развернул антикантианскую деятельность после смерти И. Абихта. Тогда Я. Снядецкий делал все от него зависящее, чтобы не допустить к кафедре философии человека, имеющего хоть какое бы то ни было отношение к учению Канта.

В 1818—1819 гг. в Вильнюсском университете философские дисциплины читал А. Даугирдас (1776—1835). Однако в 1821 г. он не прошел по конкурсу на замещение должности профессора лишь потому, что недостаточно критически относился к философии Канта¹⁰. А. Даугирдас не отступил. Он участвовал в конкурсе и в 1826 г. На этот раз окружение Я. Снядецкого¹¹ уже не смогло воспрепятствовать А. Даугирдасу занять кафедру.

А. Даугирдас досконально знал работы Канта «Критику чистого разума», «Пролегомены», «Критику практического разума» и анализировал их в «Курсе философии» (1821—1823). Даугирдас — самый глубокий исследователь Канта в Литве. В отличие от возносителей и хулителей немецкого мыслителя он пытался выяснить суть самой кантовской системы, критиковал гносеологию Канта с позиций просветительского «здорового разума». Пытаясь сформулировать свою концепцию логики, Даугирдас раскрыл логическую непоследовательность (и агностицизм) Канта и его сторонников, одновременно он признавал позитивный вклад Канта в теорию познания и естествознание. Иногда он сам даже подпадал под влияние кенигсбергского мыслителя, хотя и отрицал это. Например, А. Даугирдас проблему время-пространство объясняет так же, как и Кант.

Философия Канта в Литву проникала и непосредственно из самого Кенигсберга. В то время значительную часть населения Восточной Пруссии составляли литовцы. Немало их училось в Кенигсбергском университете. Там действовали кафедра и семинар литовского языка, некоторые литовцы преподавали в университете. Кант был современником классика литовской литературы К. Донелайтиса (1714—1780), который в 1740 г. окончил Кенигсбергский университет, куда Кант в том же году поступил.

У Канта и Донелайтиса был общий учитель-пиетист Ф. А. Шульц, руководивший в университете семинаром литовского языка. Он привил К. Донелайтису любовь к родному языку¹² и, по словам А. Гулыги, повлиял на духовное развитие Канта¹³. Можно предполагать, что выдающемуся немецкому мыслителю была знакома литовская культура. Это подтверждает и небольшая статья Канта «Дружеское дополнение», опубликованная К. Милкусом (Х. Г. Мильке) (1756—1806) в «Литовско-немецком и немецко-литовском словаре» (1800)¹⁴. Это последняя самостоятельная работа Канта, перевод которой публикуется в качестве приложения к настоящей статье.

Каковы причины появления этой статьи? В конце XVIII в. прусские правители резко изменили свое отношение к литовцам, делали попытки искоренить литовский язык на территории Пруссии. Раньше правители Пруссии терпимо относились к литовской культуре, а некоторые даже способствовали ее развитию. Например, первый светский правитель Пруссии Аль-

брехт финансировал издание в 1547 г. первой книги на литовском языке¹⁵. Многие постановления правительства издавались и на литовском языке, он преподавался в школах. От пасторов, проповедовавших среди литовского населения, требовалось знание литовского языка. В течение нескольких веков литовская письменность находилась в Пруссии даже в лучшем положении, нежели в Великом Княжестве Литовском. В Восточной Пруссии зародилась литовская художественная литература.

Однако в XVIII в. произошли большие сдвиги в национальной политике прусского правительства. Этому частично способствовали и следующие причины: вследствие чумы в 1710—1711 гг. погибло много коренного населения, на опустевшие места прибыли немецкие колонисты. Так как прусское правительство запретило литовцам поселяться на опустошенных чумой землях, то в 1736 г. около половины населения Восточной Пруссии уже составляли нелитовцы»¹⁶. С того времени немецкий язык становится преобладающим. Происходит ожесточенный процесс германизации. В конце XVIII века правительство Пруссии стало вытеснять литовский язык административными мерами из общественной жизни.

Тогда же усилилась борьба литовского народа за свои права.

Литовские деятели культуры конца XVIII в. отстаивали права своего народа на существование, доказывая, что литовский народ обладает самобытной культурой. Они собирали фольклор, пытались публиковать рукописи, стремились заручиться поддержкой известных немецких писателей и философов. Первыми на их призыв откликнулись Г. Лессинг и И. Гердер. Они дали высокую оценку духовной культуре литовцев. И. Гердер опубликовал переводы на немецком языке восьми литовских народных песен в сборнике песен народов мира.

К. Милкус напечатал отдельные отрывки из творчества К. Донелайтиса. В словаре, о котором уже шла речь, он пытался определить и ценность литовской духовной культуры. За поддержкой он обратился к престарелому Канту. Каковы были их связи, пока еще не установлено. Но сам факт, что Кант откликнулся на просьбу К. Милкуса, заслуживает внимания. Как замечает В. Ф. Асмус, «в это время силы Канта шли на убыль. С 1797 г. он оставляет университетское преподавание и замыкается почти безвыходно в домашней жизни»¹⁷. Однако и в это время великий мыслитель решился выступить за права литовского народа.

В упомянутой статье Кант считает, что литовцы Восточной Пруссии заслуживают того, чтобы была сохранена их культура, язык. Он дает очень лестную характеристику литовскому народу. Кант приходит к заключению, что, «не считая той пользы, которую может принести государству народ с таким характером, необходимо иметь в виду то большое значение чистого

языка этого племени, теперь проживающего на крохотной территории и в изоляции, для науки, прежде всего для истории переселения народов, поэтому сохранить его особенности очень важно»¹⁸.

Эта статья вызывала двойной интерес: во-первых, она свидетельствует, что Кант был довольно хорошо осведомлен о чаяниях литовского народа, его культуре, во-вторых, он до конца своей жизни сохранил верность идеалам свободы. Она вносит еще один штрих в личную характеристику немецкого мыслителя — он не был чисто кабинетным ученым, его интересовала окружающая действительность. В противном случае вряд ли больной человек решился бы на публикацию своей статьи.

Среди учеников Канта был и будущий классик литовской литературы Л. Реза (1776—1840), который слушал лекции Канта по философии. В 1807 г. он защитил диссертацию по этике Канта (это первая диссертация литовца о кенигсбергском мыслителе). Позднее он прошел в Кенигсбергском университете тот же путь, что и его учитель — был профессором, деканом философского факультета, ректором университета. Л. Реза все свободное от чтения лекций время посвящал пропаганде литовской культуры. Он организовал широкое движение по сбору и публикации литовского фольклора, переводил литовские народные песни на немецкий язык. Эти песни приобрели широкую известность. С немецкого они переводились на другие европейские языки, например, Ф. Челаковский в 1827 г. один сборник перевел на чешский язык. На издание Л. Резы две положительные рецензии написал И.-В. Гете.

Л. Реза разыскивал и публиковал литовские рукописи. Благодаря ему в 1818 г. впервые была полностью опубликована поэма К. Донелайтиса «Времена года» (целиком творческое наследие К. Донелайтиса было опубликовано только в 1977 г.), затем он перевел ее на немецкий язык.

Л. Реза от Канта частично заимствовал этическую концепцию (она чувствуется и в его практической деятельности, творчестве). Трансцендентальный идеализм Л. Резу мало интересовал. В настоящее время трудно сказать что-либо конкретное о лекциях Л. Резы по философии, так как их конспекты и другой рукописный материал утеряны. Достаточно изучено лишь его литературное наследие. Оно свидетельствует, что на литовского писателя оказали влияние социальные взгляды Канта. Даже сопоставляя характеристику литовцев в «Примечании друга» Канта и во вступительном слове Л. Резы к публикациям литовских народных песен, нетрудно заметить сходство.

К. Милкус и Л. Реза, оказавшие большое влияние на развитие литовской духовной культуры, способствовали распространению в Литве интереса как к учению, так и к личности Канта.

О популярности идей Канта в Литве свидетельствует и та-
кой факт: в 1822 г. учитель математики и немецкого языка Ке-
дайнйской гимназии, которую содержали евангеликѣ, А. Ку-
явскис перевел работу Канта «Критика чистого разума». Об
этом известно из докладной записки визитатора Вильнюсского
университета И. Ходзки, по поручению университета инспекти-
ровавшего указанную школу. И. Ходзка дает характеристику
всем учителям школы. Он очень высоко ценит способности
А. Куявскиса и замечает, что тот переводит «Критику чистого
разума»¹⁹.

О самом переводчике известно очень мало. И. Ходзка ука-
зывает, что ему 41 год, что он женат, имеет двоих детей и что
20 лет тому назад, следовательно, в 1802 г. обучался во Франк-
фурте. Современники А. Куявскиса, основоположники литов-
ского национально-культурного движения М. Валанчюс и
Л. Юцявичюс, высоко ценили Куявскиса, писали, что он вос-
питывал учеников в духе добродетели, однако ничего не упоми-
нают о рукописи перевода «Критики чистого разума».

Некоторые новые данные добавляют к этому исследования
современного историка педагогики М. Лукшене. Она обнаружи-
ла документы, свидетельствующие, что А. Куявскис был студен-
том Кенигсбергского университета и что он в течение всей сво-
ей жизни интересовался философией Канта²¹.

Работу над переводом А. Куявскис не смог закончить ввиду
объективных причин. В январе 1824 г. среди учащихся Кедайн-
няйской школы была раскрыта нелегальная организация. На-
чались аресты. В деле был замешан и А. Куявскис. Власти не
располагали прямыми доказательствами против пользовавше-
гося популярностью учителя, однако он был взят под полицей-
ский надзор. В последующие за этим два десятилетия опять
ничего неизвестно об А. Куявскисе. Документы свидетельству-
ют, что в 1846 г. он работал в г. Укмерге, где написал трактат
«Опровержение ошибочных мнений и упреков системы филосо-
фии Канта»²², в котором защищал учение Канта от нападок
Я. Снядецкого и его сторонников.

Работа А. Куявскиса свидетельствует, что и после закрытия
Вильнюсского университета в 1832 г. не утихла полемика меж-
ду сторонниками и противниками Канта. Она затрагивала ши-
рокие слои тогдашней малочисленной интеллигенции. Сам факт
попытки перевести «Критику чистого разума» говорит о по-
требности в соответствующих идеях: ни одно сочинение не пе-
реводится, если оно не вызывает интереса. Следовательно,
философия Канта заинтересовала определенные интеллектуаль-
ные круги Литвы.

На основе изучения имеющегося материала можно прийти
к следующему заключению: если в конце XVIII в. в Литве при-
влекала внимание естественнонаучная концепция Канта, то в
начале XIX в. — его теория познания (возможности челове-

ского познания) и этика. Исследование распространения кантианства способствует выявлению закономерностей развития и распространения литовской философской мысли вообще и влияния на нее Канта, в частности.

¹ Tumelis J. Kantiana Lituania.—«Problemos», 1974, 2(14), p. 108—142.

² Форстер Г. Избранные произведения. М., 1960, с. 485.

³ Там же, с. 503.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 504.

⁶ Tunaitis S., Abichtas J. H. Vilniaus universiteto profesorius.—«Problemos», 1971, 2(8), p. 54.

⁷ I. H. Abichto universitetiniu paskaitu programa 1810/11 mokslo metais.—Filosofija Vilniaus universitete. V., 1979, p. 94.

⁸ Kojśiewicz F. Korespondencja Kollataja. Kraków, 1844, T. 1, s. 159—160.

⁹ Частично настроения в Вильнюсском университете отражаются и в подготовленной Э. А. Каменским «Полемике по поводу философии И. Канта» (см.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1979, вып. 4, с. 107—139).

¹⁰ Kozmarek S. Aniol Dowgird. Warszawa, 1965, s. 31—34.

¹¹ Я. Снядецкий—в 1807—1815 гг. ректор университета, возглавлял польскую группировку в Вильнюсском университете.

¹² Gineitis L. Kristijonas Donelaitis ir jo epocha. Vilnius, 1964, p. 187; Lebedys J. Senoji lietuviu literatura. V., 1977, p. 195; Lietuviu literaturos istorija. T. 1. V., 1979, p. 44.

¹³ Гулыга А. В. Кант. М., 1977, с. 17.

¹⁴ Kant I. Nachschrift eines Freundes.—Mielcke Ch. G. Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Wörter-buch. Königsberg, 1800.

¹⁵ Rocka M. Martyno Mazvydo Rastai.—Martynas Mazvydas. Pirmoji lietuviska knyga. V., 1974, p. 50—51.

¹⁶ Mazoji lietuviskoji tarybine enciklopedija. T. 2. V., 1968, p. 506.

¹⁷ Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973, с. 9.

¹⁸ Kant I. Nachschrift eines Freundes. S. 31—32.

¹⁹ Vizitaciniai J. Chodzkos uzrasai, 1822m.—Отдел рукописей научной библиотеки Вильнюсского государственного университета, ф. 2, КС-515, л. 81.

²⁰ Valancius M. Rastai. T. 2. V., 1972, p. 260; Jucevicius. Mokyti zemaiciai. V., 1975, p. 87.

²¹ Luksiene M. Lietuvos Svetimo istorijos bruozai XIX a. pirmoje puseje. V., 1970, p. 382, 400, 402, 453.

²² Куявский А. Опровержение... Вильнюс, Центральный государственный исторический архив Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, д. 5806, л. 54—55.

И. КАНТ

ДРУЖЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Из предыдущего описания видно, что прусский литовец очень заслуживает того, чтобы была сохранена самобытность его характера, а также и чистота его языка, как в школе, так и на церковной кафедре, поскольку язык является прекрасным и основным средством для развития и сохранения этого характера. Я к этому хочу лишь добавить, что он меньше соседних народов склонен к подхалимству и привык разговаривать со своим начальством в тоне равенства и доверчивой откровенности, а последнее не обижается за это и не отказывает ему в рукопожатии, ибо знает, что он поддержит любое благое дело. Это гордость, совершенно не похожая на гордыню или на гордость одного из соседних народов, когда в нем есть кто-

нибудь благороднее других, вернее, это чувство собственного достоинства, означающее храбрость и вместе с тем гарантирующее верность.

Однако, и несмотря на те выгоды, которые государство может извлечь из поддержки народа с таким характером, нельзя недооценивать той пользы, которую могут иметь науки, в первую очередь, древняя история переселения народов, из этого еще чистого языка древней, а в настоящее время на узкой территории собранной и в определенном смысле изолированной народности, поэтому сохранение ее самобытности является уже само по себе очень ценным. По этой причине Бюшинг очень сожалел об ранней смерти ученого профессора Тунманна из Галле, который израсходовал свои силы, намного перенапрягши их в этих исследованиях. Да и вообще, если и не из каждого языка можно надеяться извлечь такую большую пользу, то все же для просвещения каждого маленького народа в какой-нибудь стране, например, в прусской Польше, важно обучать его в школе и в церкви по образу самого чистого (польского) языка, даже если на нем говорят только за пределами этой страны, и тем самым постепенно распространять этот язык, ибо таким образом язык начинает более соответствовать самобытности народа, а вместе с тем просветленнее становится и понятие последнего.

Перевод с немецкого Г. Гайлюса.